

Он с лёгкой гордостью ответил:

— Нет.

Те несколько раз, когда они срывались, не были его виной.

— Ты действительно молодец, — не поспешил на похвалу Оу Жэньцинью. — Я позже отнесу твоё одеяло в твою комнату. Когда вернёшься вечером, сначала иди спать в свою комнату, хорошо?

— Можно, конечно, — Оу Шаовэнь слегка сжал губы. — Но можно ли потом восполнить этот пропущенный день?

Оу Жэньцинью рассмеялся. Упорство и заикленность Оу Шаовэня на таких вещах всегда забавляли его.

— Нет. Иногда у меня тоже бывают дела по вечерам, и не всегда мы можем спать вместе. Если так восполнять, то когда же это закончится?

— Закончится, — голос Оу Шаовэня звучал недоуменно. — Сколько дней пропустили, столько и восполним. Как это может не закончиться?

— Обсудим это позже. Если ты будешь вести себя хорошо в ближайшее время, то я тебе восполню.

Изначально для него не было особой разницы, спал ли Оу Шаовэнь с ним или один, больше дней или меньше. Но, видя, как тот переживает, он не мог удержаться от желания подразнить его.

— Хорошо, тогда договорились, — он постарался настоять на своём. — Я всегда веду себя хорошо.

— Шаовэнь! — помощник режиссёра громко окликнул его издалека. — Начинаем съёмку, поторопись! Последние несколько кадров, и мы закончим.

— Хорошо, — он ответил, обернувшись и с некоторой неохотой завершая разговор с Оу Жэньцинем. — Мы начинаем съёмку.

— Угу, продолжай стараться. Тогда я кладу трубку.

Оу Жэньцинью на том конце провода не почувствовал его лёгкой грусти и без лишних слов положил трубку.

Оу Шаовэнь пару секунд смотрел на имя Оу Жэньцинью на экране телефона, прежде чем убрать его и быстро направиться к съёмочной площадке.

Последние несколько кадров пришлось переснять дважды из-за Оу Шаовэня. Он никогда не был прикован к кровати, лишённым возможности двигаться, или, спустившись на землю, всегда был полон энергии, поэтому ему было сложно изобразить состояние полного изнеможения. К счастью, он обладал хорошей способностью к подражанию, и после нескольких попыток смог следовать примеру других актёров массовки, успешно завершив сцену.

Режиссёрская группа начала собирать оборудование, готовясь к отъезду. Оу Шаовэнь сам

предложил им помощь, надеясь, что сможет ускорить процесс. Вдруг, когда они вернутся, Оу Жэньцинъ ещё не уснёт? Иногда его задерживали срочные дела допоздна.

Но после того как он лишь символически помог поднять пару вещей, вся режиссёрская группа начала отказываться. Они были тронуты, но, во-первых, боялись, что Оу Шаовэнь может что-то уронить и повредить их оборудование, а во-вторых, считали, что он всё-таки человек, которого генеральный директор компании «Цимэн» решил продвигать, и нельзя позволять ему заниматься такой тяжёлой работой.

Помощник режиссёра, быстро сориентировавшись, предложил:

— Давай так, Шаовэнь, ты поможешь убрать мусор после еды и напитков, а мы потом заберём его с собой, чтобы не загрязнять окружающую среду.

— Хорошо.

Оу Шаовэнь кивнул и без лишних слов отправился выполнять задание.

Остальные продолжали переносить оборудование, а рядом несколько актёров массовки, болтая, направлялись к машинам. Один из них бросил взгляд в сторону Оу Шаовэня и не удержался от комментария:

— Надо признать, у Оу Шаовэня прекрасный характер. Хотя он немногословен, но ведёт себя куда лучше, чем эти люди.

— Не зря он стал лицом рекламы.

Среди актёров массовки Дун Цяо, идущий последним, замедлил шаг. Он оглянулся назад, немного поколебался, но отверг мысль о том, чтобы снова предложить помощь. Оу Шаовэнь помогал, чтобы казаться простым и доступным, а если бы он сам предложил помощь, это могли бы расценить как попытку подхалимства.

Группа режиссёров, снимающих рекламу, не стоила таких усилий.

Когда всё было собрано, люди начали садиться в машины.

Перед тем как тронуться, помощник режиссёра осмотрелся и спросил:

— Оу Шаовэнь, он уже в машине?

— Кажется, он сел в одну из машин с массовой. Я только что видел, как он разговаривал с кем-то из них, похоже, они давно знакомы, возможно, даже друзья.

— Тогда поехали.

С другой стороны, Дун Цяо взял у Оу Шаовэня два пакета с пластиковыми контейнерами и бутылками:

— Закончил?

— На земле ещё остались клочки бумаги и окурки.

— Свет уже выключили, убирать неудобно. Не обращай на это внимания, садись в машину.

Дун Цяо открыл багажник и выбросил туда два пакета с мусором.

Оу Шаовэнь некоторое время стоял молча, затем достал телефон и включил фонарик.

— Я ещё раз посмотрю.

— Хорошо.

Дун Цяо на мгновение задержался, почему-то с едкой усмешкой. Он оторвал ещё один пакет для мусора и протянул ему.

— Тогда иди, только побыстрее, нам пора.

— Угу.

Оу Шаовэнь кивнул, быстро развернулся и исчез в темноте. Ночью в горах был густой туман, и свет его телефона быстро растворился в нём.

Дун Цяо какое-то время смотрел на удаляющуюся фигуру Оу Шаовэня, пока водитель, готовящийся к отъезду, не подошёл пересчитать людей.

— А Оу Шаовэнь? Он поедет с нами?

Дун Цяо обернулся и вдруг усмехнулся.

— Он ушёл вперёд. У нас в двух машинах уже семь человек, как он может ехать с нами?

...

Оу Шаовэнь, присев на корточки, поднял последний клочок бумаги, как вдруг услышал звук заводившихся машин. Издалека это было не совсем ясно, но, внимательно прислушавшись, он резко вскочил на ноги и побежал в сторону, откуда пришёл.

Пробежав некоторое расстояние, он уже мог видеть задние фонари последних машин. Он бежал, открывая рот, чтобы крикнуть, но, прежде чем он успел издать звук, огни медленно исчезли в тумане.

Он остановился, растерянно стоя на месте. Через некоторое время он включил телефон, экран которого всё ещё показывал историю звонков с Оу Жэньцинем. Он машинально хотел нажать на кнопку вызова, но его палец завис над экраном.

Оу Жэньцин как-то говорил ему, что, если его разбудят во сне, ему будет очень плохо.

Он должен вести себя хорошо, не причинять ему неудобств, иначе Оу Жэньцин не захочет восполнить этот день.

На телефоне было ещё не десять вечера, и Оу Жэньцин обычно не ложился спать так рано, но он не хотел рисковать. Он медленно пошёл в сторону, куда исчезли огни машин, и позвонил Ци Юэ.

Но тот не ответил.

Наверное, уже поздно, и у каждого свои дела, когда они возвращаются домой.

Он сжал телефон в руке, как будто чего-то ожидая. Через некоторое время пальцы, оставшиеся снаружи, начали мёрзнуть, и он засунул руку с телефоном в карман.

Его память была неплохой, он немного сбился с пути, но вскоре нашёл обратную дорогу. Пройдя этот участок горной тропы, заросшей ветвями, он наконец вышел на асфальтированную серпантинную дорогу. Он уже весь разгорячился и совсем не чувствовал холода.

Тогда он снова достал телефон, держа его в руке и время от времени включая экран.

Заряд телефона составлял всего восемнадцать процентов. Он в последний раз взглянул на время и убрал телефон в карман.

Вокруг царил тишина, не было даже ветра или птичьего пения, только его собственные шаги, уверенно двигающиеся вперёд. Он не боялся, просто чувствовал что-то... Как бы это описать? Он невольно думал о том, что сейчас делает Оу Жэньцзинь. Он спит? Помыл ли он сегодня вечером голову, и будет ли рядом с подушкой тот свежий приятный аромат?

Он так хотел услышать его голос. Когда он разговаривал с ним, он всегда смеялся, и его смех был прекрасен. Сам он, кажется, никогда не мог научиться такому смеху, который мгновенно поднимал настроение.

На самом деле он тоже легко просыпался во сне. Иногда кто-то приходил ночью, чтобы проверить его приборы, или кто-то прокалывал его сосуды, чтобы ввести лекарства. Но он не реагировал, продолжая лежать с закрытыми глазами, притворяясь, что всё ещё спит.

Но с Оу Жэньцзинем всё было иначе. У него было слабое сердце, и ему было бы в тысячу раз хуже. В этот момент он вдруг почувствовал, что ему тоже повезло. Хотя он был сиротой и чудовищем, но, кажется, его никогда не сломит никакая болезнь, и он сможет спасти множество страдающих и отчаявшихся людей. Самое главное — он мог спасти Оу Жэньцзиня.

[Авторские комментарии, примечания, послесловия и благодарности отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16325/1473619>